

перформанс

перевод
мари
малинской

⚠ 18+

беатрис серрано

Беатрис Серрано

Перформанс

Серия «Обычные люди (Soda Press)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74390676
ISBN 978-5-04-252924-5

Аннотация

«Перформанс» – роман о Марисе, женщине слегка за тридцать, которая живет словно под наркозом: таблетки орфидала и бесконечные видео на «Ютубе» помогают ей пережить рутину и тяготы работы в рекламном агентстве. В офис она ездит лишь ради кондиционера в душном августовском Мадриде. Мариса ненавидит свою работу – но не может уйти, слишком уж ей нравятся красивые вещи.

В преддверии корпоративного тимбилдинга ее тревога нарастает: провести выходные с коллегами кажется ей пыткой, а из глубин памяти всплывает старая, давно похороненная трагедия. С каждым днем тщательно собранная социальная маска Марисы дает все больше трещин, пока не рухнет окончательно – и все вокруг не идет прахом.

«Перформанс» – острый, безжалостный портрет одиночества, профессионального выгорания и отчаянной жажды связи с другими. Это роман о тонкой грани между обыденностью и

бездной, в которую легко заглянуть в понедельник утром, стоя на краю тротуара.

Содержание

Часть I. Не влезай – убьет	7
I	7
II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Беатрис Серрано

Перформанс

El Descontento by Beatriz Serrano

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Перевела с испанского Мария Малинская

© Beatriz Serrano, 2023

Cover photograph by Alyssa Jane

All rights reserved

© М. Малинская, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Soda Press

* * *

*Хавьеру Серрано и Лоле Молино, моим
родителям. И всем, кто, проснувшись, не хочет*

идти на работу

*I was looking for a job and then I found a job
And heaven knows I'm miserable now¹.
The Smiths, Heaven Knows I'm Miserable Now*

*Если приложить немного усилий, чтобы
казаться нормальным, можно сэкономить
достаточно времени, чтобы стать тем, кем ты на
самом деле хочешь стать.
Георги Господинов, «Физика печали»*

¹ «Я искал работу и нашел работу, и, видят небеса, теперь я несчастен» (англ.).

Часть I. Не влезай – убьет

I

В две тысячи шестнадцатом году интернет целых пятнадцать минут был чрезвычайно озабочен физическим и ментальным состоянием английской «Ютуб»-блогерки по имени Марина Джойс. Джойс выглядела как инфантильная конфетная принцесска с длинными светлыми локонами и огромными голубыми глазами. Она выкладывала наивные видео, в которых примеряла одежду пастельных оттенков, распаковывала подарки от брендов и ела сладости, казавшиеся ей экзотическими просто потому, что были привезены из Азии. Она находилась в некой серой зоне: невозможно было разобраться, к какой категории относится ее контент – эротика или видео для семейного просмотра (а может, и то, и то), а потому ее подписчики были причудливой и разношерстной группой – от маленьких девочек, жаждавших покрасоваться в таком же розовом платьице, до лысеющих мужиков далеко за пятьдесят, дровичших на ее видео с эскимо.

В определенный момент подписчики стали отмечать незначительные изменения в ее поведении. Все началось с одного видео: Марина Джойс на каком-то празднике улыбалась на камеру, демонстрируя наряд, но что-то в ее движении

ях, томных и вялых, или в том, как она отвечала на вопросы (секунды на три позже, чем ответил бы человек без проблем с пониманием речи), насторожило ее поклонников. Так родилась теория заговора, согласно которой Марину похитили – то ли ее парень, то ли какая-то секта (какая – никто не уточнял) – и теперь держат в неволе, заставляя публиковать все новые и новые видео.

В качестве доказательств доморощенные детективы приносили нарезку из ее контента: если прислушаться, можно было услышать тихое и тоненькое *help me*²: согласно их теории, она накладывала этот звук поверх видео во время монтажа, чтобы попросить подписчиков о помощи. В других видео Джойс, когда подписчики задавали ей вопросы, казалось, смотрела вглубь комнаты, за свой экран, чтобы получить разрешение похитителя, и только потом отвечала. А еще фанаты предъявляли подборки скриншотов, где на руках и ногах у нее виднелись синяки, царапины и мелкие ранки. Марина Джойс по-прежнему оставалась милой и жизнерадостной, но часто казалась заторможенной – то ли сонной, то ли одурманенной какими-то веществами. Специализированные форумы и «Твиттер» наполнились скриншотами: на них были видны мелочи, при помощи которых Марина предположительно пыталась привлечь внимание фанатов. Она оставляла зашифрованные сообщения среди прехорошеньких белых лакированных стеллажей, полных безделушек, которые

² Помогите (англ.).

ей дарили бренды: стеллажи эти служили ей фоном для всех съемок. Фанаты и все, кто подписался на хештег «#спасите-МаринуДжойс», продержавшийся в трендах целых несколько дней, в итоге обратились в лондонскую полицию и потребовали, чтобы их любимицу спасли. Полицейские отправились к ней домой, не обнаружили ничего подозрительного и удалились.

Я думаю о Марине Джойс, сидя в холодной переговорке, которую забронировала для созвона с отделом по работе с клиентами, чтобы обсудить рождественскую кампанию. А еще я думаю о том, что, если бы кто-то из моих близких вызвал сейчас полицию, полиция тоже не обнаружила бы ничего подозрительного: просто девушка сидит в офисе, как Марина просто сидела у себя дома. И только мои настоящие фанаты заметили бы подозрительные перемены в моем поведении – колл за коллом, день за днем, ролик за роликом. Это стали бы обсуждать в интернете, в «Твиттере» появилось бы множество длинных тредов с объяснениями. Может, я бы даже залетела в тренды на несколько часов. Девушка, которая раньше выглядела очень довольной, теперь кажется сонной и заторможенной, может, она даже под чем-то.

И в моем случае все три предположения оказались бы верными. Сейчас конец августа, я хожу в офис, чтобы меньше тратить на кондиционер. Опять понедельник. Я несколько не продвинулась ни по одному из рождественских проектов, но знаю, что могу говорить достаточно долго, чтобы убедить

аккаунт-менеджеров, что у меня сейчас в работе несколько важных задач. Я ставлю на стол ноутбук и стакан воды, кладу рядом маленький блокнот. Стол большой и стоит так, что на лицо мне падает естественный свет. Если чему-то я научилась у ютуберов, так это ставить камеру на созвоне. Мне нравится бронировать эту переговорку, потому что тут нейтральный фон. После созвона я могла бы снять тут реакцию на видео с котами, которые впервые нюхают брокколи и чуть не блюют, или tutorial по универсальному макияжу, с которым можно и на работу, и на первое свидание. Перед тем как подключиться, я воображаю, как поздоровалась бы с подписчиками, но в голову приходят исключительно приветствия, достойные умственно отсталой.

В условленное время подключаются остальные, и начинается идиотская череда расшаркиваний и общих мест из тех, что предваряют любую встречу в любой компании в любом уголке мира. «Как вы, девочки?», «Вы в Мадриде или откуда сейчас?..», «Работать на пляже – все равно что не работать», «Непросто все организовать, но того стоит», «Я всем довольна», «Много работы – это же отлично», «Я уже даже подзагорела», «Будет супер, точно!», «Я на связи 24/7», «Ой, там твои детки? Привет им, такие сладкие!». Я улыбаюсь, исполняя свою партию, выдумываю. Расписываю летние планы, которых у меня нет, с людьми, которых не существует. На несколько дней в Марбелью, к моей подруге Питу. Потом – в Сан-Себастьян с моим парнем (хотя не знаю, не рановато ли

называть его «моим парнем», заявляю я многозначительно). Да-да, он баск, вы же знаете, мне всегда нравились мужчины с лесорубским вайбом. И все смеются. Простенькие незатейливые шутки, что-то вроде освежающего аперитива, хоть и безалкогольного, чтобы потянуть время и подольше не переходить к рабочим вопросам.

Но вот кто-то берет быка за рога. «Ладно, девочки, к делу». Встреча официально начинается. Они говорят про дедлайны, экзекушены, про еще разок посмотреть на то и на это, про вау-эффект, про виральный потенциал, звучит даже слово «дизраптить». Обсуждаются ожидания клиента – в этом году клиент ждет от нас «многого», но так каждый год – всегда «многого», но никогда ничего конкретного. И что в этом году рождественская кампания для нас важнее, чем когда-либо. Я здесь работаю четыре года и каждый год слышу, что в этот раз рождественская кампания важнее, чем когда-либо. Я киваю, нахмутив лоб, и говорю: «Извини, Моника, можешь повторить?», рисуя тем временем в своем «молескине» член, уперший руки в боки. «У нас уже есть бриф по помаде?» – уточняю я и оставляю их переругиваться следующие десять минут – выяснять, кто будет звонить клиенту, чтобы получить от него эту информацию, которая мне на самом деле не нужна.

Так проходит сорок минут. Играть в офис просто, если знаешь как. Работа – это просто роль, которую надо уметь исполнять. Я овладела этим искусством в совершенстве: знаю,

как растопить лед в начале встречи. Умею задавать правильные вопросы, чтобы показаться вовлеченной и заинтересованной. А еще знаю, что нужно говорить, чтобы время до шести часов пролетело скорее, а делать ничего не пришлось.

Пока мои коллеги что-то обсуждают, я открываю «Твиттер», смотрю без звука видео, как енот ест торт, который специально испекли ему ко дню рождения. На торте три свечки, и енот, судя по всему, боится огня, так что человек задувает свечи вместо него, а енот берет торт своими совершенно человеческими ручками и принимается есть. Я ретвичу. Ищу в «Гугле», можно ли держать енота у себя в квартире в Мадриде. Потом гуглю, сколько лет живут еноты; тот факт, что в дикой природе они живут всего лишь от двух до трех лет, к моему удивлению, слегка меня огорчает.

– Как считаешь, Мариса, когда мы сможем обсудить предметно? – спрашивает одна из коллег.

Я закрываю вкладку с енотом и смотрю на экран «Зума», точнее – на квадратик с моим собственным изображением в правой части экрана. Это освещение и правда идеально подошло бы для записи видео о моей быоти-рутине.

– Через четыре недели, – говорю я.

– Четыре? Клиент хочет увидеть промежуточный результат к концу сентября, чтобы определиться с бюджетом, а это через три недели, – говорит другая.

Мне хочется ответить ей, что мне насрать, как сделал бы на моем месте любой, кому посчастливилось жить на наслед-

ство, но вместо этого я с достоинством листаю пустые страницы записной книжки и бормочу: «Дай-ка я кое-что уточню». Рисую еще один крошечный член на одной из страниц и наконец говорю: «Дай мне две недели». В итоге все довольны. Секрет прост: нужно всегда сперва называть одну цифру, а потом выдавать другую, заранее заготовленную, как поступают наперсточники или ловкие торговцы на Растро³, чтобы покупатели думали, что урвали суперскидку.

Мы прощаемся – улыбки, многочисленные «спасибо за все», парочка «на связи». Я выхожу из «Зума». В горле так пересохло, что даже собственную слюну глотаю с трудом. Оставшись наедине с собственным отражением в экране, я вновь думаю о Марине Джойс. Думаю, если прибавить звук, зазвучит голосок *help me*, и можно будет вызывать полицию.

Мне тридцать два года, восемь из них я работаю в рекламе, четыре – в этом самом агентстве. Я пришла сюда на стажировку, потом меня взяли копирайтером, а теперь у меня не самый высокий, но все же руководящий пост, несколько человек в подчинении и абсурдное англоязычное название должности, которое пригождается, лишь когда надо покрасоваться на «Линкедине» да поотвечать на светские вопросы в «Тиндере». Правда же в том, что я ничего не умею и не понимаю, как оказалась в этой точке. Думаю, просто наловчилась играть в офис – так, что окружающие поверили, что я суперпрофессионал.

³ Растро – блошинный рынок в Мадриде.

Моя работа – быть милой и продавать воздух. Я читаю бриф какого-нибудь несчастного продукта, точно такого же, как все остальные: красная помада, парфюм с цветочными нотами, пылесос с миниатюрной насадкой, которую можно запихнуть в любой угол, потому что она треугольная. Я думаю о том, какая чушь волнует нас всех, любого из нас, хоть мы и считаем себя самыми умными: как не быть страшным, не вонять в конце рабочего дня, не запустить дом. Рынок создает потребности, а моя работа – переводить их на язык простых смертных. Так, я продаю не красную помаду, а идею – быть эффектной, запомниться, оставить след, отпечаток губ на воротничке рубашки красивого мужчины. Я продаю не духи, а идею – тебя запомнят благодаря твоему аромату, ты западешь кому-то в душу, ты больше не будешь скучной серой личностью, которая тратит два часа каждый день на дорогу на работу и обратно. Я продаю вероятность того, что сегодня, вот именно сегодня, благодаря этому аромату с фруктовыми нотами с тобой произойдет что-то невероятное. Я не продаю очередной никому не нужный пылесос. Я продаю идею чистого и хорошенького дома, уголка, оформленного а-ля «Пинтерест», в котором можно сделать фотографию, запостить в «Инстаграм»⁴ и собрать гору лайков. И я запускаю креативную идею – точно такую же, как все преды-

⁴ Здесь и далее речь идет про Instagram – запрещенную социальную сеть, принадлежащую Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

душие и последующие креативные идеи, все, что уже были, и все, что еще будут. The lipstick effect*⁵. Аромат воспоминаний. Дом твоей мечты. Идею покупают, несут нам деньги, я принимаю поздравления – а дальше все сначала.

Я восемь лет делаю одно и то же и понимаю, что в этом нет никакого смысла. Что мир был бы куда лучшим местом, если б работ вроде моей не существовало. Я знаю, что играю на чужой неуверенности в себе и на страсти к дешевой популярности в обществе, где стать лучше невозможно. И знаю я это, потому что сама после восьмичасового рабочего дня и смол-токов в лифте, вызывающих у меня целую гамму суицидальных мыслей мелкого пошиба (к примеру, пробить себе руку степлером, чтобы сбежать наконец со встречи, иллюстрирующей истинное значение и масштаб слова «бесконечный», или облиться кипятком из чайника, чтобы провести пять-десять дней на больничном), часто верю, что решение всех моих проблем – это платье в цветочек из «Зары», произведенное в Бангладеш, которое преследовало меня весь день на каждом сайте, что я открывала, и которое несомненно будут носить в следующем сезоне миллионы женщин. Это платье сделает из меня другую женщину, точнее, новую версию меня самой – весеннюю, расслабленную и веселую. Я знаю: когда мы что-то покупаем, платим мы не за вещь, а за обещание лучшей жизни. А еще я знаю, что пользуюсь посредственностью и деньгами клиентов, для которых самый сме-

⁵ *Эффект помады (англ.).

льный творческий акт в жизни – добавить лишнюю ячейку в экселевской таблице.

Ценность моей работы измеряется неизмеримым понятием «импакт». К примеру, иногда нам удастся сделать вирусный ролик, о котором говорят все-все-все. Или придумать мелодию, которую напевают в метро и на улице. Или выиграть премию в области рекламы, о которой никто, кроме рекламщиков, и не слышал и которая важна лишь клиентам, вложившим кучу денег в ролик с моделью, которая мечтает лишь о двух вещах: съесть гамбургер и чтоб ее обняли. Правда же заключается в том, что, если ты висишь на каждом плакате в метро, вполне вероятно, что люди в парфюмерном корнере «Эль-Корте-Инглес» станут чаще просить именно твои духи, но я не думаю, что у слогана «Аромат воспоминаний» импакт больше, чем у «Аромат, который запоминается». Я хорошо продаю идеи клиентам. Заставляю их поверить, что они уникальны, что у них невероятный продукт, а наша кампания разделит их жизнь на «до» и «после». Я флиртую, льщу им и хохочу над их шутками. Клиенты работают на бренды, которые не хотят рисковать, потому что им это просто ни к чему. Если вдруг они о чем-то высказываются, то лишь потому, что об этом высказались уже абсолютно все, так что это стало безопасным. Феминизм, устойчивое развитие, инклюзия, разнообразие. Все это глупости. К нам обращается бренд с антицеллюлитными кремами и кремами от морщин, который хочет уйти от негативных ассоциаций с

этими продуктами и дать женщинам ощущение собственной силы и власти. Это значит, целью кампании будет не убедить женщин, что они старые или толстые и им *необходим* крем, а дать понять, что, какими бы они там ни были, они *достойны* этого крема.

Я выкручиваю кондиционер на максимум и пишу письмо студентам, которые в сентябре начинают учиться в магистратуре по рекламе в одном частном университете, где я веду занятия благодаря англоязычному названию моей позиции на «Линкедине».

«Дорогие будущие студенты,

в рамках подготовки к началу нашего курса я прошу вас выполнить тестовое задание. Это поможет мне понять уровень группы и подготовить методические инструменты для совместной работы.

Задание: разработать рождественскую кампанию для крупного косметического бренда. Вам нужно продумать как стратегию (запуск кампании, сроки, темп работы, график), так и конкретные креативные идеи для четырех видов продукта: парфюм, губная помада, крем для лица 40+ и тени для век. Срок сдачи – через три дня.

Спасибо».

Я подхожу к кулеру и наливаю воды в крошечный стаканчик, пью, глядя в окно на Гран-Виа. Представляю, как студенты читают письмо и радуются, полагая, что «тестовое задание» даст им возможность выделиться на фоне остальных. Они только-только окончили бакалавриат, полны энту-

зиязма и радости жизни. У их родителей есть деньги, чтобы оплатить им магистратуру, после которой им удастся найти неоплачиваемую стажировку в каком-нибудь агентстве, где, если повезет, они смогут потом остаться. У их родителей есть деньги, чтобы оплатить детям работу, которая даст им доступ к другим вакансиям, доступ, которого у большинства людей нет. Через несколько дней эти студенты пришлют мне идеи, я выберу лучшие и представлю своей команде, чтобы докрутили и сделали презентацию. С годами я обучилась искусству работать как можно меньше. В офисе все равно что на охоте: чем меньше шевелишься, тем меньше шансов, что тебя пристрелят.

Я наливаю воды в следующий стаканчик и выхожу из пустой тихой переговорки. Мой кабинет полон пластиковых стаканчиков, я бесконечно пью, пытаюсь утолить жажду. Частенько вечером я бросаю их в мусорку и сама выношу пакет из страха, что кто-то из коллег решит, что мне плевать на дельфинов. Стаканчиков столько, что из них можно было бы построить крепость или собрать абстрактное произведение искусства из тех, что вызывают у зрителей в водолазках сдержанных оттенков и в крупных черепаховых очках одобрителные кивки, а у тех, кто покупает одежду в торговых центрах, возгласы, что с таким бы справился и их четырехлетний сын. Мне смутно помнится, что не так давно, возможно, на прошлое Рождество, компания подарила нам бутылку для воды – при вручении был сделан акцент на том,

как нам важно устойчивое развитие. При этом в офисе семнадцать градусов – а на улице тридцать восемь.

Офис в августе полупустой. Кто в отпуске, кто работает на удаленке из какого-нибудь места поприятнее, так что мне иногда кажется, что в Мадриде сижу только я одна. Но это приятное чувство. Мне нравится август в Мадриде, потому что в августе в Мадриде никого нет.

Перед тем как войти к себе в кабинет, я останавливаюсь у стола Наталии. Наталия: блондинка, идеальные волосы, стрижка лонг-боб, платье в горошек из «Зары», блокнот с цветными стикерами, ручки и маркеры всех мыслимых цветов и оттенков. Работоспособная, аккуратная, всегда на связи – и все это с целью приглушить внутренний голос, твердящий (и небезосновательно), что в качестве креативщика она особо не блещет. Корпоративный дух – сто из ста. Наталия хочет впечатлить меня, понравиться мне, так что, когда я подхожу, она смотрит на меня глазами, полными света и надежды. Она ждет великолепной возможности, а я рада ей ее предоставить. Наталия постоянно шлет мне письма в восемь вечера – я никогда не отвечаю. Когда я прихожу в офис, она всегда уже на месте, а когда ухожу, всегда говорит, что задержится «еще чуть-чуть».

– У тебя есть пять минут? – спрашиваю я, заранее зная: она скажет «да». Если б я попросила, Наталия с радостью посвятила бы мне все дни, уготованные ей судьбой.

– Конечно.

– Мне нужно кое-что для рождественской кампании. Рыночные инсайты. Что люди покупают в этом году, у кого наибольшая покупательная способность, какие продукты вызывают наибольший интерес. – Мои слова вгоняют в тоску даже меня саму.

Наталия записывает все к себе в блокнот. Она хочет сделать все идеально, и это вызывает у меня нежность. Я знаю: она пришлет мне безупречно выполненное задание, а потом будет рассказывать подругам, как многому здесь научилась и как обожает свою работу. Я знаю: она ни разу не задумывалась о том, что проводить восемь, девять, десять или сорок семь часов в день на работе – это просто трата времени и сил. Я знаю: ей нравятся офис, корпоративная культура, afterwork⁶ в баре по четвергам и пиво по пятницам. Она наверняка верит в сентенции вроде «Найди себе работу по душе, и тогда тебе не придется работать больше ни дня». Я знаю, что ее лучшей подругой наверняка станет Сонсолес из эйчаров. Она выйдет замуж, родит детей, купит квартиру на отшибе, в спальном районе, может, недалеко от аэропорта, в жилом комплексе с бассейном. По выходным станет встречаться с друзьями, у которых тоже дети и которые тоже живут в комплексе с бассейном, может, даже в том же самом, и за ужином всегда будет чувствовать себя особенной, ведь у нее креативная специальность. Я знаю: живя такой жизнью, она будет очень счастлива, – и это пробуждает во мне про-

⁶ Посиделки после работы (англ.).

тиворечивые чувства. Жалость, укол зависти и нестерпимое желание вклеить ей пощечину.

– Хорошо.

– А еще мне нужно, чтобы ты занялась презентацией. Когда все выходят из отпуска?

– Луис и Клаудио – на следующей неделе. Марта – через две.

– Хорошо. Ты справишься?

– Думаю, да.

– Спасибо, Наталия, а я так смогу сосредоточиться на других задачах, – говорю я неопределенно, поворачиваясь на пятках и направляюсь к себе.

Мой кабинет – стеклянный кубик с видом на весь остальной офис. Обставлен он ровно так, как люди представляют себе кабинет рекламщика. Деревянный стол, на нем – античная статуэтка, выкрашенная в кислотный цвет, стул в скандинавском стиле, пара растений в углу (стрелиция и монстера), ретрошкафчик в духе пятидесятых. Сейчас модно, чтобы у менеджеров среднего звена и особенно у начальников не было своего кабинета: они должны смешиваться с плебсом, демонстрируя, что у нас тут все равны, и неважно, что кто-то получает минимальную зарплату, а кто-то – пятьдесят, восемьдесят, сто тысяч евро в год. В моде опенспейсы, гигантские залы и полное отсутствие личного пространства. Я выступила против перестановки на моем этаже, написав в опросе, присланном по почте, что личное простран-

ство очень важно для творческого процесса, «как отмечала еще Вирджиния Вулф в эссе “Своя комната”», чтобы аккуратно заронить в организаторах процесса идею, что выгонять всех в опенспейс – это, по сути, мачизм (на самом же деле наличие собственного кабинета позволяло мне спокойно смотреть видео на «Ютубе»).

Обожаю «Ютуб». Каждый его уголок обожаю. Иногда я начинаю с роликов, в которых собаки как будто произносят слова или целые фразы, а заканчиваю видео о том, как Джордж Сорос купил всю национальную и зарубежную прессу. Обожаю теории заговора, бифы между ютуберами, культурные войны. Обожаю философские и социологические интерпретации разных феноменов. Обожаю буктуберов. Обожаю двадцатиминутные видеоподборки, как дети спотыкаются и падают, или как люди ужасно поют на разных телевизионных кастингах, или как женщины, следуя пошаговым инструкциям по макияжу, вдруг обнаруживают, что неизвестно каким образом вдруг остались без бровей. Обожаю видео, в которых блогеры объясняют, что нужно срочно спасать Бритни Спирс из лап ее отца. Или забавные подборки последних глупостей, которые ляпнул какой-нибудь политик (а на фоне – техно). Обожаю tutorиалы. Часами могу смотреть, как сделать фантазийный макияж, который мне не пригодится никогда в жизни, или как приготовить блюда, которые я в жизни не стану готовить, или как организовать хранение в огромном доме, которого у меня никогда не будет,

или как прямо во время работы делать упражнения для тазового дна, которые я в жизни не стану делать во время работы. Я шарю в кишках «Ютуба», ищу видео, в которых люди впечатываются лицом с размаху в разные виды хлеба, или едут в Японию пробовать живых осьминожек и давятся ими, или обнаруживают Гитлера на Фуэртевентуре. И все же самые мои любимые видео, заставляющие позабыть саму себя, – это видео, в которых кто-то что-то производит. И я имею в виду не полезные вещи вроде стола или стула, а, к примеру, карамельки, или чипсы, или гвозди, или как спрессовывают искусственный мрамор, чтобы получился компактный блок. «Ютуб» – мое окно в большой мир, в котором мне хотелось бы жить.

Я залогиниваюсь, и «Ютуб» показывает мне подборку видео, которые могут меня заинтересовать. Меня интересуют все! Ровно в тот момент, когда я собираюсь кликнуть на одно из них и провалиться в современный аналог кроличьей норы Алисы, звонит телефон в кабинете, и я снимаю трубку, не сводя глаз с экрана. Работа пытается проникнуть сюда и помешать мне открыть окно в мир. Одна из аккаунт-менеджеров забыла сообщить мне, что клиент хотел еще идей насчет завивалки для ресниц, хотя это не главный продукт кампании. «Ключевое слово – праздник», – говорит она. Я отвечаю, что хорошо, возьму в работу, но мне нужно больше информации о продукте, – как будто я всю жизнь жила в подземелье, в недрах городской канализации, и не в состо-

нении представить себе, что означают слова «завивалка для ресниц». Я кладу трубку.

Запускаю видео с неудачным признанием в любви. Видео начинается следующим образом: парень-американец рассказывает на камеру, что решил сделать предложение своей девушке, но хочет чего-то особенного. Он утверждает, что его девушка «обожает мюзиклы», и поэтому он решил устроить флешмоб в торговом центре. Приходит день X, они с девушкой шатаются между полками, наверняка ищут что-то будничное вроде освежителя воздуха или носков, – и вдруг парень, покупатели и часть продавцов перемещаются в холл и принимаются плясать вокруг фонтана в стиле итальянского Возрождения под чудовищную композицию Фаррелла Уильямса под названием Нарру. Девушка не понимает, что происходит, а когда он опускается на одно колено и достает из кармана кольцо, она впадает в ступор, а затем отказывает ему прямо у фонтана на глазах у сотни людей. Парень рыдает на камеру, твердя, что и подумать не мог, что девушка откажет ему перед такой толпой, но что все равно решил опубликовать видео, чтобы «помочь другим». Я иду в комментарии и, пользуясь анонимностью, щедрым даром интернета, пишу с одного из аккаунтов, с помощью которых инкогнито оставляю свой след в цифровом мире: «Алло, 112? Срочно пришлите скорую, захлебнулась в розовых соплях». Некоторое время я смотрю, как под моим комментарием растет число лайков и начинают появляться рыдающие от смеха смайли-

ки. Число быстро добивает до двенадцати. Я ощущаю легкий подъем, какой, наверное, чувствуют игроманы или наркоманы после того, как хорошенько вмажутся.

Я отвожу взгляд от экрана с торжествующей улыбкой, которая, отразившись в стеклянной перегородке, тут же исчезает. Размышляю, не следует ли провести все утро за просмотром чужих видео и написанием злобных комментариев, или лучше все же сделать что-то со своей жизнью. Просматриваю ежедневник – сегодня больше созвонов нет. Благословенный август! Погода слишком классная, чтобы весь день просидеть в «Ютубе». Я говорю Наталии, что отправляюсь на встречу с клиентом, если понадобится, пусть напишет письмо, а звонить не надо, только если что-то срочное. Я знаю: она ни за что мне не позвонит, потому что одна мысль о том, чтобы побеспокоить меня по пустячному поводу, приводит ее в ужас. А в ужас она ее приводит потому, что каждый раз, когда она пишет мне в нерабочее время, я стараюсь отвечать как можно короче и суше. Таким образом мне удалось выдрессировать ее – как собаку Павлова, которой разрешается пускать слюну мне на ботинки, только пока мы заперты в стеклянной клетке, называемой офисом.

Я выхожу на улицу, ловлю такси и отправляюсь в музей Прадо.

II

Музей Прадо – мое любимое место в Мадриде наряду с круглосуточным «Каррефуром» на станции метро «Кеведо». И там, и там просторно, чисто, аккуратно и есть кондиционер. Эти два заведения обеспечивают все мои жизненные потребности: одно из них питает мое тело, а второе – душу.

Когда в восемнадцать лет я начала изучать историю искусств, главной моей мечтой было работать в музее Прадо: я верила, что с человеком не может приключиться ничего плохого, если он живет среди красивых вещей. Я выпустилась из университета в две тысячи шестом, Испания казалась крепкой и прочной. Я познакомилась на дискотеке с каким-то психом из креативной индустрии, и тот решил дать мне шанс, взяв работать в свое рекламное агентство: такие коленца были приняты в те времена среди психов из креативной индустрии после X граммов кокаина на завтрак. В те времена, пока еще были деньги, агентства брали стажеров, выучившихся на рекламщиков, а потом добавляли к ним пару людей из совсем другой среды, без какого бы то ни было опыта в рекламе, чтобы те принесли с собой «свежий взгляд», «новые идеи» и «иное видение». В тот набор стажеров попали пара выпускников факультета рекламы, мрачный музыкант, который сбежал через неделю, и я.

Работа была несложная: от меня требовалось присутство-

вать на встречах и вести протокол, высказывать свои идеи, если меня спрашивали, делать красивые презентации и задерживаться в офисе допоздна, если того требовала работа, даже если роль моя состояла в том, чтобы заказать пиццу. Наверное, я думала, что это временно, что моя жизнь будет совсем другой, что в какой-то момент я уйду отсюда. Или что работа будет для меня лишь способом зарабатывать деньги, а вечера я смогу посвящать своему истинному творческому призванию, в чем бы оно ни состояло. Все мои однокурсники начали работать и выстраивать свою жизнь и рассказывать о том, как они работают и выстраивают свою жизнь. И тогда я просто отпустила ситуацию. В две тысячи седьмом я подписала свой первый рабочий контракт. Получив первую зарплату, я решила еще там подзадержаться. В две тысячи восьмом ударил кризис, я только и слышала, что «везет тебе, у тебя есть работа». Наверное, все мы боялись бросать работу в погоне за мечтой, а конкретно в моем случае мир рекламы казался куда более стабильным и предсказуемым, чем мир искусства, все более далекий. Наверное, я проиграла. Выбирая между возможностью стать счастливее или покупать больше вещей, я выбрала покупать больше вещей.

Я предъявляю удостоверение друга музея и захожу. Вначале отправляюсь в туалет пописать и заодно нашариваю в сумке кое-что, что сделает прогулку по музею куда более приятной. Вытаскиваю блистер орфидала и кладу таблетку под язык. Выхожу из кабинки, пью воду прямо из-под кра-

на. Вскоре я чувствую, что мои кости стали будто птичьи, совсем легкие и полые внутри. Я вдруг ощущаю то, о чем говорят инструкторши по пилатесу: сквозь мое тело словно пропустили невидимую нить, которая тянет меня вверх, поднимает выше всех и вся, выше людей и вещей, над всем, что важно и что неважно. Меня слегка ведет, как после пары бокалов вина, не как после целой бутылки. Это легкое головокружение какая-то часть меня уже стала считать своим домом. Я выхожу из туалета и шагаю с достоинством, с очень прямой спиной, глядя на окружающих свысока. Я будто иду по траволатору, как в аэропорту. Нет места лучше, чем Прадо или круглосуточный «Каррефур» на «Кеведо». Я притворяюсь, что задумалась, что бы сегодня посмотреть, но на самом деле тут все ясно: мой организм требует Босха. Я чувствую, что Босх меня понимает, что его раздражают изнутри те же демоны, что и меня, только он гениальный художник и способен изгнать их при помощи пальцев и кисти, а мне для этого требуются орфидал и видео с «Ютуба».

Несколько лет назад я решила обратиться к психотерапевту. Это произошло, когда я поняла, что будильник вызывает у меня паническую атаку: от его писка у меня каждое утро что-то сжималось в груди. Но не всегда ощущения были одинаковы: иногда казалось, что-то вроде фасолинки застряло в груди, а иногда – будто невидимая рука сжимала мне сердце. Я так привыкла к этому ежеутреннему чувству, что научилась с ним сосуществовать. Оно сопровождало меня по-

стоянно, и я даже дала ему имя – Берто, в честь моего первого парня из школьных времен; он был тощий и светленький, я начала с ним встречаться, потому что он был похож на Аарона Картера.

Эта черная дыра внутри постепенно засасывала меня всю, и дни мои становились все чернее. Берто обычно являлся не один: его сопровождали слезы. И не какая-нибудь там пара слезинок, а взволнованные самозабвенные рыдания – как рыдает ребенок, потеряв мать в супермаркете, или недавняя вдова, случайно наткнувшись на проездной покойного супруга. Берто и слезы стали привычкой, они приходили так часто, что иногда я рыдала в душе, чтобы сэкономить время: снова опаздывать на работу было просто нельзя. Будильник был не единственным неодушевленным предметом, выпускавшим наружу мои слезы. В офисе у меня иногда срывало крышу от пиканья микроволновки или сигнализации припаркованного снаружи мотоцикла. Несколько раз в выходные, услышав будильник, который поставила накануне, чтобы встать после сиесты, я вставала, одевалась в офисную одежду и уже собиралась выходить – как вдруг понимала, что сегодня суббота или воскресенье и на работу мне не надо. И тогда меня затапливало волной несоразмерного ситуации ликования, как маленького ребенка, который наконец нашел в супермаркете маму, или недавнюю вдову, которая открыла для себя йогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.